

ЕВГЕНИЙ АНПИЛОВ

ВТОРОЙ
КОНТРАКТ

Евгений Анпилов

Второй Контракт

<https://litres.ru/74308379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Капитан Алексей Тополев возвращается домой после четырех лет тяжелой службы по контракту. Большая земля встречает его предательством: жена Марина и ее любовник Игорь лишают его квартиры, бизнеса и денег. Зажатый в тиски фиктивных долгов, Алексей уходит за Периметр — в Чернобыльскую зону отчуждения, где законы человеческого общества не стоят ничего. Здесь, под серо-свинцовым небом, среди гравитационных ловушек и ночных хищников-«сопунов», он получает клеймо Тополь. Начав путь простой «отмычкой», он быстро завоевывает авторитет среди вольных бродяг, берет в напарники парня по прозвищу Гвоздь и выходит на след «Вектор-Синдиката» — теневой корпорации, грабящей советские бункеры. Но распутывая сложные контрабандные схемы, Тополь узнает, что нити заговора ведут прямо к его бывшей жене. Теперь это не просто суровое выживание, а личный контракт на месть. И Зона готова выдать по нему полный, честный второй контракт.

Содержание

Том 1: Притяжение Периметра	4
Глава 1: Выжженное поле	4
Глава 2: Запах озона и ржавые рельсы	8
Глава 3: Рождение Отмычки	12
Глава 4: Подвал Корчмаря	15
Глава 5: Туманный оскал хутора	20
Глава 6: Расплата и новый калибр	27
Глава 7: Стальной рассвет и ржавый калибр	34
Глава 8: Свинцовый туман и призрачные клыки	40
Глава 9: Кислотный затвор и дыхание из тумана	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Евгений Анпилов

Второй Контракт

Том 1: Притяжение Периметра

Глава 1: Выжженное поле

Дождь в ту ночь казался жидким, холодным свинцом. Он с силой стучал по лобовому стеклу новенькой «Ауди», смывая гляцевый столичный лоск и превращая редкие огни придорожных фонарей в размытые, грязно-желтые пятна.

Алексей сидел за рулем, намертво вцепившись в кожаную оплетку. Мотор мерно рокотал, но в салоне царила мертвая, звенящая тишина. На заднем сиденье лежала тяжелая армейская сумка из плотного брезента — все, что осталось от четырех лет службы по контракту в самых горячих, Богом забытых точках. Там, среди серой пыли восточных окраин и под свист осколков, у него была одна-единственная мечта. Мечта о настоящем доме. О светлой, просторной квартире на четырнадцатом этаже с видом на реку. О тихой кофейне, которую они откроют вместе с Мариной. О сытой, спокойной гражданской жизни, где самым громким звуком будет щелчок выключателя в коридоре.

Он заработал на эту мечту. Каждый рубль, каждая копейка на его банковском счете были оплачены кровью, соленым потом и ночными кошмарами, от которых он до сих пор просыпался посреди ночи.

Алексей поднялся на лифте, предвкушая, как тихо откроет дверь своим ключом, как Марина вскрикнет от радости, увидав его на неделю раньше официального срока окончания командировки. Но ключ в замке не повернулся. Замок был аккуратно поменян.

Когда дверь после долгого, настойчивого стука наконец приоткрылась, на пороге стоял холеный мужчина в дорогом шелковом халате, купленном на деньги Алексея. Из-за его широкого плеча выглядывала Марина. В ее глазах не было ни капли вины или раскаяния — только холодный, расчетливый страх, который быстро сменился брезгливым безразличием.

— Ты опоздал, Леш, — тихо, без эмоций сказала она. — Документы на развод уже в суде. Квартира переписана на маму, фирма — на Игоря. Ты ведь сам подписывал генеральную доверенность перед последней отправкой. Помнишь?

Юристы Игоря сработали чисто, без сучка и задоринки. У Алексея не осталось абсолютно ничего. Ни жилья, ни бизнеса, ни личных накоплений. Даже машина, как выяснилось позже по короткому звонку, уже находилась под арестом из-за фиктивных долгов, которые на него умудрились навесить всего за один вечер. Закон, которому он преданно служил, повернулся к нему глухой, чиновничьей спиной.

Сейчас он стоял на заброшенной заправке в пятидесяти километрах от государственной границы. В кармане штормовки — тридцать тысяч рублей наличными, которые он чудом не успел положить на заблокированную карту. На плече — армейский баул. В душе — выжженное, покрытое пеплом поле.

На заправке было безлюдно. Пожилой дальнобойщик в засаленной кепке пил паршивый кофе из пластикового стаканчика, глядя на мерцающий экран старого телевизора над кассой. Там крутили смутные, зацензуренные репортажи из Чернобыльской аномальной зоны отчуждения. Диктор монотонно, казенным языком говорил о «незаконных вооруженных формированиях», «необъяснимой физической активности» и «контрабанде неизвестных научных ценностей».

Алексей посмотрел на свое отражение в темном стекле витрины. Жесткие, рубленые черты лица, ранняя, колючая седина на висках, абсолютно пустые глаза человека, которому на этом свете больше нечего терять. На Большой земле его гарантированно закопают в долгах и сгноят в тюрьме, если он попытается вернуть свое силой.

Но ходили слухи. Настоящие, жесткие слухи, которые передавали из уст в уста в казармах и госпиталях. О месте за Периметром, где законы человеческого общества не стоят даже бумаги, на которой они написаны. О месте, где один удачный бросок ржавой железки или найденный светящийся-

ся камень может сделать нищего миллионером. Или трупом. Второй вариант Алексея сейчас тоже вполне устраивал.

Он подошел к дальнобойщику, слегка прихрамывая на старое ранение.— Отец, до Брянска подбросишь? А оттуда — к югу, ближе к границе, к лесам. Старик окинул его внимательным, цепким взглядом, задержался на тяжелых армейских берцах и бауле, вздохнул и коротко кивнул:— Прыгай в кабину, служивый. Все равно в ту сторону порожняком иду. Мой КамАЗ старый, зато надежный.

Глава 2: Запах озона и ржавые рельсы

Три дня пути слились в серую, монотонную ленту разбитого асфальта. Пейзаж за окном старого грузовика постепенно менялся, теряя признаки цивилизации. Оживленные федеральные трассы сменились глухими региональными дорогами, а затем — полузаброшенными проселками, где молодая трава прорастала сквозь глубокие трещины в бетоне. Чем ближе они подъезжали к конечной цели, тем безлюднее и мрачнее становились деревни. Окна изб были наглухо заколочены серыми досками, колодцы разрушены, а на полях вместо пшеницы стоял бурьян в человеческий рост.

Небо над головой постепенно наливалось странным, свинцово-фиолетовым оттенком. Это не было похоже на обычные грозовые тучи, предвещающие летний ливень. Воздух казался слишком густым, липким, со стойким привкусом озона, старой ржавчины и болотной гнили.

Старик-водитель высадил Алексея на окраине глухого, вымершего села, не доезжая километров двадцати до официального Периметра, охраняемого правительственными войсками. — Дальше не поеду, сынок, — хмуро сказал дальний бойщик, истово перекрестившись на полуразрушенный купол церкви вдали. — Там дальше уже патрули. Военные лю-

туют, стреляют без предупреждения по колесам и силуэтам. Ежели тебе туда... в Пекло это аномальное... иди лесом. Ищи Проводника из местных. Сам не суйся — сгинешь в первой же канаве, даже забора не увидишь.

Алексей поблагодарил старика, отдал ему последнюю тысячу рублей за компанию и углубился в густой, сырой лес.

Погода портилась стремительно. Лес вокруг не шумел от ветра, как обычно. Он словно глухо, утробно роптал. Листья берез и осин дрожали, издавая странный, неестественный металлический шелест. Холодный туман опустился на землю внезапно, плотный, как парное молоко, начисто отсекая все звуки внешнего мира. Алексей шел по старому армейскому компасу, ориентируясь на помятую топографическую карту, которую успел скачать на телефон до того, как мобильная связь полностью исчезла.

К вечеру пошел дождь — мелкий, едкий, от которого противно чесалась кожа на лице и руках. Настоящий полевой комбинезон Алексей оставил на прежней армейской базе, сейчас на нем была обычная гражданская штормовка, джинсы и старые берцы. Одежда промокла насквозь за полчаса. Холод пробирался под куртку, заставляя зубы стучать.

Он вышел к заброшенному железнодорожному полотну. Рельсы были покрыты толстым, крошащимся слоем рыжей ржавчины, шпалы сгнили и буквально рассыпались под ногами. Вокруг царила мертвая, звенящая тишина, нарушаемая лишь редким, неестественно громким треском ломающихся

веток где-то в чаще.

— Стой, бродяга. Руки так, чтоб я их видел, и без глушителей, — раздался негромкий, хриплый голос из-за густых кустов справа.

Алексей замер. Медленно, плавно поднял ладони на уровень груди. Навыки службы сработали мгновенно: он визуально оценил позицию стрелка. Тот сидел грамотно, в тени поваленной ели, силуэт был размыт маскировочной сетью. Ствол старенького, но ухоженного автомата Калашникова с укороченным стволом смотрел точно в центр груди Алексея.

Из засады вышел человек. На нем был потрепанный комбинезон грязно-зеленого цвета с множеством накладных карманов и самодельными нашивками на плечах, изображающими знак радиационной опасности. Лицо скрывал капюшон и полумаска-респиратор. На поясе болтался старый армейский дозиметр, который время от времени тихо, лениво пощелкивал.

— Не местный, — констатировал незнакомец, опустив ствол чуть ниже. — Одежка гражданская, берцы армейские, рожа кирпичом. Из беглых? Или от долгов прячешься? — Считай, что жизнь решил с чистого листа начать, — хмуро ответил Алексей. — Ичу проход за Периметр. К вольным исследователям. — Проход он ищет... — незнакомец глухо усмехнулся под маской. — Там, парень, жизни нет. Там Аномальная Территория. Зона. Туда уходят те, кому на этом свете места не нашлось. Я — **Хмурый**. Занимаюсь до-

ставкой таких вот романтиков. Живым дойти хочешь?— Хочу.— Деньги есть?— Двадцать восемь тысяч. Все, что осталось.

Хмурый покачал головой.— Маловато за билет в один конец. Но ладно. Вижу, парень ты крепкий, в штаны при виде ствола не наложил. Военные сейчас на южном блокпосту рейд устроили, так что пойдем через старые болота, по дренажной трубе. За мной шаг в шаг. Наступишь мимо моей колеи — домой вернешься в виде фарша. Понял?— Понял.

Глава 3: Рождение Отмычки

Они двинулись через трясины. Небо окончательно потемнело, превратившись в иссиня-черный, давящий купол. Пошел тяжелый, настоящий ливень. Крупные капли с силой стучали по веткам, смывая грязь и создавая сплошную стену шума. Вода под ногами хлюпала, болотная жижа пыталась засосать берцы при каждом шаге.

Хмурый шел странно, неестественно. Каждые десять метров он останавливался, доставал из глубокого кармана горсть обычных стальных гаек, к которым были привязаны длинные полоски яркой строительной ленты, и аккуратно бросал их перед собой.

Алексей сначала не понял зачем. Но на тринадцатом броске гайка, не долетев до земли пары метров, вдруг резко взмыла вверх, закрутилась в бешеном вихре, и с громким хлопком, похожим на выстрел из ружья, исчезла. Воздух в том месте на секунду исказился, пошел волнами, словно над костром в жаркий день.

У Алексея по спине пробежал мороз.— Это что было? — прошептал он.— **«Воронка»**, — не оборачиваясь, бросил Хмурый. — Попадешь в такую — раскрутит, кости в пыль переломает и выплюнет кусок мяса. Смотри под ноги и не щелкай клювом, **отмычка**.

Термин «отмычка» Алексею не понравился, но он про-

молчал. Сейчас он был здесь никто. Новичок, не знающий местных правил, полностью зависящий от проводника.

Через два часа изнурительного марша под проливным дождем они вышли к высокой бетонной стене, по верху которой шла ржавая колючая проволока. В стене зияла огромная дыра, наспех заваленная железными листами и сучьями. Под стеной наполовину выросла в землю огромная дренажная труба.

— Нам туда, — Хмурый указал на черное жерло трубы, откуда пахло гнилью и сыростью. — Проползем метров триста, и мы на той стороне. Там старая деревня, ее называют Кордон. Место относительно тихое. Там сидит **Корчмарь** — местный торговец. Он новичков принимает, работу дает, хабар скупает.

Внутри трубы пришлось идти на четвереньках. Ледяная вода доходила до локтей, пахнувшая ржавым железом и мазутом. Алексей стиснул зубы. С каждым метром, продвигаясь вперед в этой абсолютной темноте, он чувствовал, как старая жизнь окончательно отваливается от него, словно засохшая грязь. Больше нет капитана Алексея Тополева. Есть просто человек, пробирающийся вглубь неизведанного.

Когда они наконец выбрались с другого конца трубы, дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Туман рассеялся под порывом ветра.

Алексей поднялся на ноги, тяжело дыша, и замер от удивления.

Над головой раскинулось невероятное, фантастическое небо. Чернильная высь была усыпана миллиардами звезд, которые сияли так ярко, как никогда не сияют в больших городах. Но самым удивительным были слабые, едва заметные зеленоватые и фиолетовые сполохи, похожие на северное сияние, которые медленно перетекали от горизонта к горизонту. Воздух здесь был совсем другим — он пах грозой, свежестью и... каким-то странным, будоражащим кровь ароматом, от которого сердце начинало биться чаще. Это был запах опасности и безграничной свободы.

Впереди, в низине, виднелись силуэты полуразрушенных деревенских хат. В окнах некоторых из них брезжил слабый, теплый свет костров.

— Ну, добро пожаловать, отмычка, — Хмурый снял маску, подставив лицо ночной прохладе, и криво усмехнулся. — Это и есть Зона. Твой новый дом. Если, конечно, до утра доживешь. Пошли к Корчмарю, пока бродячие псы на запах свежего мяса не сбежались.

Глава 4: Подвал Корчмаря

Деревня новичков представляла собой печальное и одновременно уютное в своей заброшенности внешнее зрелище. Полтора десятка кирпичных и деревянных домов без крыш, с выбитыми окнами, обнесенные по периметру наспех сколоченным забором из колючей проволоки и старых автомобильных дверей. На въезде, прямо у дороги, под козырьком полуразрушенного погреба горел большой костер. Вокруг него сидело человек семь Одиночек.

Одеты они были примерно одинаково: серые плотные куртки, потрепанные камуфляжные штаны, у кого-то на коленях лежали старые двухстволки, у кого-то — пистолеты Макарова. При появлении Хмурого и Алексея сидевшие у костра насторожились, пара человек плавно положили руки на затворы.

— Свои! — крикнул Хмурый, подняв правую руку. — Свежую кровь привел. Не бузите, пацаны.

Напряжение мгновенно спало. Один из исследователей, парень лет скажем двадцати с пошарпанной гитарой в руках, весело крикнул вдогонку:— О, новая отмычка привалила! Заходи на огонек, погрейся, пока тебя местная фауна на зубок не продегустировала!

Хмурый повел Алексея мимо костра к самому большому дому в центре деревни. Подвал этого дома был глубо-

ким, с толстыми бетонными перекрытиями, способными выдержать серьезный удар. Спустившись по крутой, скользкой лестнице, они оказались перед тяжелой железной дверью с глазком. Хмурый постучал особым, рваным ритмом. Дверь со скрипом открылась.

Внутри было на удивление тепло и сухо. Светили автомобильные аккумуляторы, подключенные к светодиодным лентам на низком потолке. За длинной барной стойкой, сколоченной из толстых сосновых досок, сидел плотный, широкоплечий мужчина лет пятидесяти с пышными усами и абсолютно лысой, блестящей головой. На нем был дорогой, чистый камуфляж, а за его спиной на стене на специальных креплениях висел внушительный арсенал: от охотничьих ружей до ухоженных автоматов.

Это был Корчмарь. Настоящий хозяин этого сектора.

— А, Хмурый, — прогудел торговец низким, хриплым процессом. — Живой. И то ладно. Кого привел на этот раз? — Вот, парень из бывших военных. Жизнь прижала, пришел счастья пытаться. Зовут... а как зовут-то тебя, парень? Я в дороге и не спросил. — Алексей, — ответил он, осматривая подвал. — Алексеев на Большой земле пруд пруди, — отрезал Корчмарь, внимательно, как рентгеном, сканируя его своим тяжелым взглядом. — Имя забудь. Тут у каждого свое клеймо, своя метка. Хмурый говорит — из военных? Стрелять умеешь? Дисциплина есть? Будешь... **Тополем**. Идет? Похож — прямой, хмурый и, надеюсь, такой же крепкий. —

Идет, — согласился Алексей. Имя «Тополь» ему вполне подходило.

Хмурый забрал у Алексея двадцать пять тысяч рублей за проводку, кивнул Корчмарю, коротко пожал Тополью руку и вышел обратно в сырую ночь. У него была своя, скрытая от чужих глаз работа.

— Ну что, Тополь, — Корчмарь достал из-под стойки бутылку дешевой водки и два граненых стакана. Налил по чуть-чуть. — Давай за прибытие. Правило первое: торговцу никогда не врать. Правило второе: чужого без спроса не брать. Правило третье: не лезть в пекло поперек бабки. Понял? — Понял, — Тополь выпил. Жидкость обожгла горло, приятно согревая онемевшее от ледяной воды тело.

— Теперь к нашему делу, — Корчмарь плотно облокотился на стойку. — Бесплатно тут даже воздух не дают. Снаряги у тебя нет. Одежка — курам на смех, первый химический дождь — и ты голый. Оружия — полный ноль. Я могу дать тебе в долг самый минимум, но отработать придется быстро и четко. Перепродам тебе старую куртку, плотную, с легкой защитой от изотопов. Плюс пистолет ПМ и две полные обоймы к нему. За все про все — тридцать тысяч рублей. Три тысячи у тебя осталось в кармане, их забираю прямо сейчас как аванс. Остальные двадцать семь отработаешь на моих заданиях. Согласен? — Выбора у меня все равно нет, — спокойно ответил Тополь. — Выбор есть всегда, — философски заметил Корчмарь, доставая из закровов серую плотную куртку.

ку с капюшоном и тяжелый, пахнувший свежим ружейным маслом пистолет Макарова. — Можно пойти обратно через минные поля. Ладно, держи железо. Вот тебе твой первый полноценный контракт.

Торговец разложил на столе помятую карту Кордона. — В километре отсюда на восток есть заброшенный хутор. Туда три дня назад пошел один бедолага — Сиплый. Искал ценности после недавней энергетической вспышки. Живым не вернулся. Мне плевать на Сиплого, его проблемы. Но у него с собой был мой специальный защитный контейнер для хабара — небольшая свинцовая коробка с моим личным клеймом «К». Найди Сиплого. Если жив — помоги добраться, если мертв — просто заведи контейнер. Все, что найдешь у него в карманах из личных вещей, — твое. Принесешь контейнер — спишу ровно десять тысяч долга. Вопросы есть? — Какие опасности по дороге? — спросил Тополь, ловко осматривая ПМ. Оружие было старым, но затвор ходил плавно. — На деревьях смотри внимательно — к белым нитям руками не прикасайся, кожу до костей разъест. На земле ищи места, где воздух дрожит — это гравитационные ловушки. И слепые псы. Эти твари стаями ходят. Если увидишь одну — стреляй сразу, потому что еще три сзади подкрадываются по траве. На базе можешь снять комнату. У меня на верхнем этаже есть свободная каморка. Матрас, буржуйка. За ночь — двести рублей. Первую ночь живи в долг. Иди, отдыхай. На рассвете выходишь на тропу.

Тополь поднялся наверх. Каморка действительно оказалась крошечной, но после трех дней в дороге и ледяной дренажной трубы она показалась ему надежным укрытием. Он быстро растопил маленькую чугунную печку-буржуйку сухими щепками. Комнату наполнило приятное тепло и сухой древесный дым.

Он снял мокрую гражданскую одежду, повесил ее сушиться у печи, оделся в выданную куртку. Она пахла брезентом и порохом. Тополь лег на матрас, положив ПМ под подушку. Из подвала снизу доносились глухие голоса вернувшихся бродяг.

Где-то далеко в ночи раздался долгий, тоскливый вой мутанта, от которого внутри все невольно сжалось. Но Тополь уже не боялся. Он закрыл глаза и впервые за долгое время уснул крепким, спокойным сном человека, который нашел свою новую точку отсчета.

Глава 5: Туманный оскал хутора

Рассвет над Кордоном не принес с собой ни ярких солнечных лучей, ни привычного утреннего тепла. Небо, затянутое сплошной монолитной пеленой грязно-серого, пепельного цвета, казалось, опустилось до самых вершушек обгорелых тополей. Плотный, холодный туман стелился по земле, доходя Тополю почти до колен. Воздух за пределами каморки был пропитан тяжелым запахом мокрой земли, застарелой гари и резким, едким привкусом озона, от которого на губах оставался стойкий металлический налет. Мелкая, ленивая морось уныло барабанила по шиферным обломкам крыш, превращая блеклую траву в скользкое месиво.

Прежде чем выйти за ворота, Тополь задержался у костра в центре Деревни новичков. Здесь уже кипела своя, размеренная жизнь. Утро для сталкера — время суетливой и въедливой проверки снаряжения.

Один из бродяг, парень в потрепанной штормовке с прожженным рукавом, методично точил старый охотничий нож о плоский камень-оселок, издавая монотонный, скрежещущий звук. Рядом на поваленном бревне сидел матерый сталкер с глубокими шрамами на щеке по прозвищу Паленый. Он лениво ковырял ложкой в закопченной жестяной банке, разогревая на углях костра «Завтрак туриста» — плотную массу из перловки и кусков соленого жира. Быт Деревни был

скупым и суровым: обувь здесь сушили прямо над огнем, насадив на сырые ветки, а вместо дорогой натовской гигиены использовали обычную дегтярную стружку и колодезную, ледяную воду, от которой сводило челюсти.

Паленый мельком окинул взглядом Тополя, задержался на его начищенных армейских берцах и ухоженном пистолете Макарова, торчащем из кармана куртки.

— На хутор собрался, значит, отмычка? — проворчал старик, отправляя в рот порцию каши. — Корчмарь тебя за свинцовой коробкой Сиплого послал, верно? Ну, иди, иди. Главное, болты кидать не забывай. А чтоб ноги со страху не подкосились, слушай наш, местный анекдот. Пошел, значит, новичок вроде тебя первый раз на вылазку. Идет, все по науке делает — болты швыряет, под ноги смотрит. Вдруг из тумана выскакивает огромный, серый ночной упырь — щупальца из пасти, когти с палец! Ну, парень со страху ствол роняет, падает на колени в лужу и орет: «Господи, сделай так, чтоб эта тварь меня не заметила!». Упырь подходит к нему со спины, тяжелую лапу на плечо кладет и говорит человеческим голосом: «Ну ладно, положим, я тебя не заметил. А вот контролер в кустах сзади очень даже заметил, да еще и обиделся, что ты с ним за руку не поздоровался!».

Сталкеры у огня дружно, но негромко загоготали. Тополь лишь криво улыбнулся. Юмор в этих краях был висельным, специфическим, но он помогал людям удерживать рассудок в узде перед лицом постоянной опасности. Алексей затаянул

потуже шнуровку берцев, поправил капюшон куртки, пахнувшей брезентом, и шагнул в серую стену тумана.

Мир за пределами лагеря Одиночек мгновенно потерял любые намеки на человеческий уют. Тополь двигался вдоль полуразрушенной асфальтовой дороги, которая когда-то связывала деревни. По бокам от нее, словно гигантские памятники ушедшей эпохе, стояли ржавые скелеты автобусов «ПАЗ» и грузовиков «ГАЗ-53», сквозь разбитые капоты которых давно проросли молодые березки со скрученными, уродливыми стволами.

Каждые три-четыре шага Тополь бросал перед собой тяжелый строительный болт, внимательно следя за его полетом. На десятой минуте пути один из болтов, едва коснувшись кучи жухлой, прелой листвы, вдруг с неестественной силой отлетел вертикально вверх, а воздух над дорогой со свистом и глухим хлопком сжался, подняв небольшое облако пыли. Гравитационное искажение. Алексей аккуратно обошел опасное место по глубокой обочине, прижимаясь к корням старого дуба. На ветвях соседней осины он вовремя заметил серебристые, тонкие пряди, которые медленно шевелились вопреки безветрию — опасная биологическая зараза. Руками трогать такую паклю нельзя, разъест ткань куртки вместе с кожей до самых костей.

Хутор показался из тумана внезапно, словно вырос из земли. Три кирпичных одноэтажных дома с провалившимися крышами и длинный деревянный коровник, обшитый се-

рым шифером.

Тополь достал ПМ, мягким движением большого пальца снял его с предохранителя. Оружейный боёк был сухим, затвор ходил плавно — армейская выучка работала на уровне безусловных рефлексов. Сердце билось ровно, разум переключился в режим боевой готовности.

Из глубины коровника донесся странный, чавкающий звук — хруст ломающихся костей и утробное, довольное рычание.

Алексей осторожно, стараясь не шуршать обломками кирпича под ногами, подошел к разбитому оконному проему коровника и заглянул внутрь. В полумраке, среди куч гнилой, черной соломы, сидели две твари. Они были похожи на крупных собак, но полностью лишены шерсти. Их бледная, морщинистая кожа была покрыта бурыми язвами, а жуткие, затянутые белесой пеленой глаза слепо смотрели в пустоту. Слепые псы. Они терзали кусок серого брезента — остатки куртки сталкера. Рядом на бетонном полу неподвижно лежало тело. Тополь понял, что это и есть Сиплый.

Мутанты почуяли чужака мгновенно, еще до того, как он успел сделать вдох. Одна из тварей резко подняла окровавленную морду, шумно втянула ноздрями влажный воздух и издала хриплый, лающий рык. Вторая собака сжалась, готовая к прыжку.

Они действовали слаженно, как единый механизм. Первая тварь бросилась напрямую через пролом в кирпичной

стене, пытаясь отвлечь внимание, в то время как вторая стремительно рванула вбок, заходя Тополю в тыл по высокой трапе.

Алексей не стал ждать, пока его зажмут в клещи. Он поймал в прорезь прицела голову первой собаки и плавно нажал на спусковой крючок. Выстрел ПМ в замкнутом пространстве между домами прозвучал как пушечный залп, эхо от которого покатилося по туманной низине. Пуля калибра 9х18 мм попала псу точно в основание черепа. Тварь перевернулась через голову, конвульсивно засучила лапами и затихла.

Вторая собака прыгнула на него из-за угла коровника. Алексей успел лишь выставить вперед левое предплечье, защищенное плотной тканью сталкерской куртки. Острые зубы с силой впились в руку. Тополь поморщился от резкой вспышки боли — зубы мутанта не прокусили плотную многослойную ткань, но сдавили кость мертвой хваткой.

Действуя на автомате, Алексей прижал ствол пистолета прямо к мягкому боку твари и трижды нажал на спуск. После третьего выстрела собака обмякла, выпустила его руку и тяжело упала в грязную лужу.

Тяжело дыша, Тополь осмотрел руку. Ткань куртки Корчмаря выдержала испытание, оставив на коже лишь глубокий, багровый синяк. Старый торговец не обманул — снаряжение действительно стоило своих денег.

Алексей прошел внутрь коровника и приблизился к телу Сиплого. Сталкер был мертв уже несколько дней. Его груд-

ная клетка была полностью вдавлена внутрь — судя по всему, парень сдуру влетел в гравитационный «Трамплин», который выбросил его изломанное тело прямо к логову мутантов. Рядом с телом, наполовину засыпанный гнилой соломой, лежал небольшой, тяжелый ящик из свинца с выжженным клеймом в виде буквы «К». Тот самый контейнер.

Тополь поднял его. Коробка была плотно закрыта, но от ее металлических стенок исходило едва ощутимое, приятное тепло, которое согревало онемевшие от сырости пальцы. Любопытство и профессиональный интерес военного взяли верх. Алексей аккуратно отщелкнул боковые защелки и открыл тяжелую свинцовую крышку.

Внутри, на специальной мягкой подложке из асбестовой ткани, лежало аномальное образование. Оно было размером с крупный кулак и по форме напоминало округлый, гладкий кусок полупрозрачного янтаря. Внутри этого камня плавно переливались, сгущаясь и затухая, маленькие золотистые искорки, напоминающие летних светлячков. Артефакт излучал мягкий, успокаивающий свет, который на секунду разогнал мрачный полумрак коровника. Тополь завороженно смотрел на это чудо — в этот момент он окончательно понял, почему люди сходят с ума по этой территории, бросая семьи и благополучную жизнь ради этих смертельно опасных камней.

Вдруг старый армейский дозиметр на поясе Алексея, который до этого лишь лениво пощелкивал, выдал корот-

кую, тревожную и частую трель. Стрелка прибора качнулась вправо. Изотопное излучение артефакта начало стремительно расти. Тополь мгновенно захлопнул тяжелую крышку контейнера и до упора защелкнул замки. Треск прибора прекратился.

— Красивая смерть, Сиплый, — прошептал Алексей, пряча коробку на дно своего баула.

Он быстро обыскал карманы погибшего. Нашел старый охотничий нож в простых кожаных ножнах, полупустую пачку сигарет «Ява», зажигалку и потертый кожаный кошелек. Внутри кошелька было несколько помятых купюр и старая, потрескавшаяся фотография маленькой девочки с белыми бантами. Тополь тяжело вздохнул, забрал нож и сигареты, а фотографию бережно вложил обратно в карман мертвеца, прикрыв его брезентовым плащом.

— Покойся с миром, сталкер, — тихо сказал он, разворачиваясь к выходу. За порогом коровника продолжала шуметь серо-свинцовая изморозь Кордона, но теперь у Тополя был первый настоящий хабар и четкое понимание того, как выжить в этой опасной, но честной вселенной.

Глава 6: Расплата и новый калибр

Обратный путь с заброшенного хутора испытывал Тополя на прочность. Серо-свинцовая изморозь Кордона превратилась в плотный, секущий лицо ливень. Потоки грязной воды размывали серую глину тропинки, заставляя берцы скользить на каждом подъеме. Туман сгустился до такой степени, что очертания вековых тополей у дороги казались размытыми темными великанами. Воздух окончательно остыл. При каждом выдохе из-под капюшона Алексея вырывались густые клубы белого пара, а руки в промокших гражданских перчатках окоченели так, что пальцы с трудом нащупывали тяжелые болты в карманах.

Дозиметр на поясе вел себя тихо — редкие, сонные щелчки подтверждали, что свинцовый контейнер Корчмаря надежно запирает изотопное излучение янтарного артефакта. Алексей шел строго по своим собственным утренним следам, ориентируясь на блестящие в лужах стальные гайки с яркими лентами, которые он бросал несколько часов назад.

У заброшенного железнодорожного переезда Тополь уловил странный звук. Сквозь монотонный шум падающей воды донеслось приглушенное металлическое звяканье и хриплый, простуженный кашель. Бывший контрактник мгновенно среагировал: рванул с тропы влево и залег в густых зарослях мокрого шиповника, взведя курок своего пистолета Ма-

карова. Колючие ветки впились в ткань куртки, но Алексей замер, превратившись в слух.

Из тумана, со стороны полуразрушенной будки путейца, вышли двое. Одеты они были в грязные камуфляжные куртки неопределенного цвета, поверх которых топорщились старые армейские разгрузки. В руках у одного была старая двухстволка-вертикалка, у второго — потертый автомат Калашникова со складным прикладом. Мародеры. Мелкая шваль, которая караулила новичков, возвращающихся с первых вылазок.

— Говорю тебе, Шакал, Сиплый точно туда пошел, — ворчал парень с двухстволкой, вытирая рукавом воду с лица. — У него коробка Корчмаря была. Если он на хуторе псам скормился, хабар там лежит. Надо было сразу за ним идти, а не Выброс в подвале пережидать.

— Заткнись, Хмурый сказал, что туда еще одну отмычку утром закинули, — хмуро буркнул второй, поудобнее перехватывая автомат. — Потопчемся тут у переезда. Если этот новый вылезет с баулом — тут его и примем. С одним ПМ он против моего калибра даже пикнуть не успеет.

Тополь, затаившийся в кустах всего в семи метрах от них, жестко усмехнулся про себя. Мародеры совершили главную ошибку — они встали на открытом пространстве, спиной к густым кустам, полностью уверенные в своей безнаказанности. В реальном бою такая расслабленность карается мгновенно.

Алексей плавно поднял ПМ, поймав в прорезь прицела широкую спину мародера с автоматом. Расстояние идеальное. Но стрелять на поражение без предупреждения бывший военный не стал — Зона хоть и жестока, но превращаться в беспредельщика он не хотел.

Он подобрал левой рукой тяжелый обломок кирпича и с силой швырнул его в сторону ржавого железнодорожного вагона, стоявшего на путях метрах в двадцати правее.

Бам! — тяжелый удар кирпича о ржавое железо прозвучал в тишине как выстрел.

Мародеры от неожиданности разом крутанулись на месте, скидывая стволы в сторону вагона. В эту же секунду Тополь на кураже выпрямился во весь рост из кустов шиповника, держа их на мушке своего пистолета.

— Оружие на землю! Руки за голову, быстро! Шаг дернетесь — обоих положу! — рявкнул он тем самым командным басом, от которого у молодых бойцов в казармах поджигались колени.

Бандиты замерли, как вкопанные. Парень с двухстволкой от испуга мгновенно выронил свое ружье в жидкую грязь под ногами. Вожак с автоматом попытался было повернуть ствол в сторону Тополя, но Алексей сухо, без предупреждения щелкнул затвором ПМ, целясь ему точно между глаз.

— Не балуй, земляк, — тихо, но отчетливо произнес Тополь. — Стальные пули калибра девять-восемнадцать твою разгрузку насквозь прошьют. Бросай металлолом.

Мародер смерил Алексея злым, оценивающим взглядом, сплюнул под ноги и медленно опустил автомат в грязь. — Ладно, бродяга, твоя взяла. Не шуми. Уходим мы.

— Баулы наизнанку, патроны из карманов — на шпалу, — скомандовал Тополь. — И ходу отсюда, чтоб через три секунды вашего духу здесь не было. Поймаю еще раз на переезде — закопаю прямо под рельсами.

Откашливаясь и проклиная все на свете, мародеры быстро вытряхнули из карманов несколько пачек охотничьей дробин и пару рожков для автомата, после чего трусливо припустили по шпалам в сторону Свалки, быстро растворяясь в сером ливне.

Тополь подошел к брошенному оружию. Двухстволку он брать не стал — слишком громоздкая и бесполезная в серьезном бою вещь. А вот автомат поднял. Это был классический советский **АКС-74У** — укороченный автомат со складным рамочным прикладом, калибр **5.45x39 мм**. Оружие было грязным, в масляных потеках и каплях дождя, но затворная рама ходила плавно. К нему прилагались два полных пластиковых магазина рыжего цвета. Алексей закинул трофей за спину, подобрал патроны и быстрым шагом направился к Деревне новичков.

В подвале у Корчмаря было тепло, сухо и пахло жареной тушенкой. Торговец сидел за своей дубовой стойкой, лениво перебирая какие-то бумаги при свете светодиодной ленты. При появлении Тополя он приподнял густые усы и удивлен-

но хмыкнул, заметив на его плече второй ствол.

— Ого, Тополь. Быстро ты. Да еще и с обновой, я гляжу?
— Корчмарь отложил бумаги. — Ну что, нашел Сиплого?

Тополь молча снял тяжелый баул, расстегнул его и вытащил на стойку свинцовый контейнер с буквой «К». Металл коробки все еще хранил слабое, едва заметное тепло янтарного артефакта.

Глаза торговца масляно блеснули. Он быстро перехватил контейнер, проверил целостность пломб, удовлетворенно кивнул и аккуратно отщелкнул замки. Подвал мгновенно озарился мягким, золотистым светом. Маленькие искорки внутри артефакта закружились быстрее, словно реагируя на тепло помещения.

— Хорош... Ай да капитан, ай да молодец, — пробормотал Корчмарь, замороженно глядя на светящийся камень. — Настоящая «Капля». Чистая, без дефектов, фон минимальный. Научники за такую мне хорошую цену дадут. Значит, Сиплый всё?

— Всё, — коротко ответил Тополь, присаживаясь на табурет у стойки. — На хуторе псы порвали. Влетел в гравитационную ловушку, кости всмятку. На обратном пути еще двое из банды Дрона меня у переезда караулили. Пришлось автомат у них конфисковать за плохое поведение.

— Туда им и дорога, мародерам этим, — отмахнулся Корчмарь, бережно закрывая крышку контейнера. Золотистый свет погас, и в подвале снова воцарился привычный по-

лумрак. — Наш уговор в силе. Контракт выполнен на отлично. Как договаривались: минус десять тысяч из твоего долга за сам контейнер. Плюс, за то, что принес хабар целым и не попытался сдуру вскрыть и перепродать налево, скидываю еще пять тысяч. И за автомат этот... — торговец мельком глянул на АКС-74У на плече Алексея. — Оставь его себе, парень. Машинка хорошая, советская. Стреляет зло, патроны к ней на Свалке у каждого второго найдешь. Итого твой долг передо мной — ровно двенадцать тысяч рублей.

Торговец залез под стойку, вытащил тяжелую жестяную банку армейской тушенки, полбуханки свежего ржаного хлеба и пачку нормальных сигарет с фильтром.

— Держи, стрелок. Это от меня лично, за хорошую работу. Поужинай, выпишь в своей каморке. А завтра утром у меня для тебя будет совершенно другое, серьезное задание. Пойдешь дальше на север, к железному кладбищу на Свалке. Там сейчас вольные бродяги хабар собирают, но мародеры совсем страх потеряли. Поможешь нашим ребятам — закроешь долг полностью, да еще и на хорошую куртку заработаешь. Что скажешь?

Тополь взял нож Сиплого, ловко вскрыл банку с мясом и отломил кусок пахнущего тмином хлеба. Запах горячего жира мгновенно заполнил подвал, заставив желудок Алексея радостно сжаться.

— Я согласен, Корчмарь, — спокойно ответил он, глядя торговцу прямо в глаза. — Закрою долг, осмотрюсь. Зона

мне начинает нравиться — здесь по крайней мере сразу видно, кто твой враг, а кто друг.

Он ел медленно, смакуя каждый кусок. За толстыми бетонными перекрытиями подвала продолжал шуметь вечный, серый дождь, но Тополь уже чувствовал себя частью этого странного, опасного мира. Завтра его ждал новый переход, новый калибр и новые испытания на ржавых полях Свалки.

Глава 7: Стальной рассвет и ржавый калибр

Утро в Деревне новичков началось в четыре часа. Серо-свинцовое небо Зоны, казавшееся монолитной бетонной плитой, опустилось еще ниже, едва не цепляя верхушки полуразрушенных кирпичных труб. Дождь временно утих, уступив место тяжелому, маслянистому туману. Он выползал из низин и болот, укутывая брошенные хаты плотным саваном, пахнущим мокрой известью, прелой листвой и едким озоном. Холод пробирался под брезент куртки, заставляя мышцы деревенеть. При каждом выдохе изо рта Тополя поднимался густой белый пар, мгновенно растворяясь в серой сырости.

Алексей сидел на корточках в углу своей крошечной каморки, поджав ноги. Буржуйка давно остыла, но времени растапливать ее не было. Перед ним на чистой промасленной ветоши лежал полностью разобранный трофейный **АК-С-74У** — его новый пропуск вглубь аномальных территорий.

После вчерашней стычки у переезда автомат требовал серьезного ухода. Мародеры относились к оружию паршиво: ствольная коробка изнутри была забита мелким кремниевым песком и нагаром от дешевого некачественного пороха. То-

поль методично, шаг за шагом, промывал каждую деталь чистым керосином, который он выменял у Корчмаря на пачку сигарет. Пальцы, привыкшие к армейскому железу за годы контракта, помнили каждое движение.

Он внимательно осмотрел затворную раму и поршень. Износ был средним, но советское качество держало удар. Этот укороченный автомат создавался для экипажей бронетехники и десантников. Его длина со сложенным рамочным прикладом составляла всего 490 миллиметров — идеальный вариант для тесных подвалов, лесных зарослей и быстрой вскидки навскидку. Главной особенностью «Ксюхи» был широкий дульный конический пламегаситель, который одновременно служил расширительной камерой для пороховых газов. Из-за короткого ствола (всего 206 мм) порох не успевал полностью сгорать, из-за чего автомат при стрельбе выдавал громкий, надтреснутый хлопок и злой сноп пламени, способный ослепить в темноте. Но в условиях Зоны его компактность ценилась выше эргономики.

Тополь взял в руки рыжий пластиковый магазин и начал снаряжать его трофейными патронами калибра **5.45x39 мм**. На донце каждой гильзы стояло клеймо Луганского патронного завода. Это были патроны повышенной пробиваемости **7Н10**.

Один, два, три... — сухой металлический щелчок пружины успокаивал, возвращая привычную военную собранность.

Патрон 5.45 был настоящим шедевром советской оружейной мысли. В отличие от старого тяжелого калибра 7.62, эта легкая пуля весом всего 3.6 грамма обладала огромной начальной скоростью — около 735 метров в секунду при вылете из короткого ствола АКС. Внутри удлиненного стального сердечника пули была небольшая воздушная полость в головной части. При попадании в мягкие ткани или жесткую шкуру мутанта центр тяжести пули мгновенно смещался, заставляя ее бешено кувыркаться и наносить страшные внутренние разрушения. Для слепых псов и мародеров в легких бронежилетах скрытого ношения этот калибр был смертным приговором.

Закончив сборку, Алексей резко передернул затворную раму. Металл звякнул чисто, без хруста и задержек. Тополь щелкнул предохранителем, закинул автомат на плечо и спустился во двор деревни.

У центрального костра, который бродяги поддерживали круглые сутки, разводя его в обрезанной бочке из-под керосина, сидели новые лица. Тополь подошел ближе, чтобы согреть онемевшие пальцы. Сталкеры Одиночки подвинулись, уступая ему место на поваленном бревне. Слухи в Зоне ходили быстрее ветра — здесь уже знали, что хмурый новичок в одиночку раскидал засаду Шакала у переезда и принес Корчмарю чистый артефакт.

— Здорово, капитан, — подал голос один из сидевших, протягивая Алексею кружку с горячим, густым чифирем.

Это был крепкий, жилистый мужчина лет тридцати пяти в добротном камуфляже «Дубок» с самодельными брезентовыми накладками на коленях. На плече у него висел длинный армейский автомат АК-74 с примкнутым подствольным гранатометом. Звали его **Ворчун**. Он был из тех Одиночек, кто не искал миллиардов, а просто жил в Зоне, зарабатывая на кусок хлеба охотой и сопровождением ученых. Его лицо, обветренное и покрытое мелкой пороховой копотью, выражало спокойную, уверенную силу.

— Здорово, — Тополь взял кружку, сделав глоток обжигающей, горькой жидкости. Напиток мгновенно разогнал кровь по телу.

— На Свалку, значит, намылился? К железному кладбищу? — Ворчун прищурился, глядя на новенькую «Ксюху» Алексея. — Инструмент ты себе правильный выбрал. Мародеры у переезда, конечно, шваль, но ствол у них был ухоженный. Ты главное помни: на Свалке открытого места много. Из короткого ствола дальше чем на сто метров прицельно не постреляешь — пулю начинает сильно уводить ветром из-за слабого веса. Подпускай врага ближе.

Рядом с Ворчуном на ящике из-под патронов сидел совсем молодой парень, почти мальчишка, бледный, с тонкими чертами лица и огромными, испуганными глазами. На нем была новенькая, еще не видевшая грязи серая куртка со множеством карманов, а в руках он судорожно сжимал старенькое охотничье ружье ТОЗ-34. Звали его **Гвоздь**. Он пришел

за Периметр всего два дня назад, сбежав от каких-то проблем на Большой земле, и теперь с ужасом и восторгом впитывал каждую фразу матерых бродяг.

— А правда, что на Свалке земля сама светится ночью? — робко спросил Гвоздь, переводя взгляд с Ворчуна на Тополя.

Ворчун глухо усмехнулся в усы, подбросив в бочку обломков старой оконной рамы. — Земля-то там не светится, парень. А вот кости твои светиться будут, если сдуру в радиоактивную кучу лома полезешь. Там после аварии восемьдесят шестого года столько хлама закопали — автобусы, пожарные машины, вертолеты. Фонит в некоторых местах так, что счетчик Гейгера затыкается. Смотри под ноги, отмычка. И за Тополем держись, если он тебя с собой возьмет. У него, видать, глаз пристрелян.

Тополь допил чай, вернул кружку Ворчуну и поднялся с бревна. Время шло, туман над дорогой начинал лениво подниматься, обнажая разбитый асфальт, ведущий на север.

— Спасибо за чай, мужики, — сказал Алексей, проверяя фиксацию подсумков на поясе. — Гвоздь, если жить хочешь — сиди пока в Деревне, учись болты кидать. На Свалке тебе с твоей двухстволкой делать нечего, первый же патруль мародеров на сувениры разберет.

Парень шмыгнул носом, но промолчал, уставившись в огонь. Ворчун уважительно приподнял руку на прощание: «Удачи на тропе, Тополь. Будет туго — отходи к нашему блокпосту за Кладбищем техники, там наши пацаны дежу-

рят, прикроют из тяжелого калибра».

Алексей повернулся и зашагал по разбитой дороге. Серо-свинцовое небо Зоны уныло висело над головой, на горизонте уже проступали туманные контуры гигантских ржавых холмов Свалки — огромного кладбища советской империи, где среди радиоактивного пепла ему предстояло отвоевать свое право на новую жизнь.

Глава 8: Свинцовый туман и призрачные клыки

Разбитый асфальт уходил на север, теряясь в густой, серо-свинцовой хмари. Дождь не начинался, но воздух был настолько перенасыщен влагой, что падал на плечи тяжелой, ледяной росой. Тополь шел ровным, размеренным шагом контрактника, держа укороченный **АКС-74У** на уровне груди.

Примерно в километре от Деревни новичков, там, где дорога петляла между зарослями одичавшего, почерневшего шиповника, Алексей уловил сзади прерывистый шорох. Кто-то шел следом, на удивление неуклюже, то и дело спотыкаясь о выбоины и шумно дыша.

Тополь резко развернулся, вскидывая автомат и уводя палец на спусковой крючок.— Выходи. Руки вверх, ствол в землю! — негромко, но жестко приказал он.

Из маслянистого тумана, едва не выронив свою двухстволку **ТОЗ-34**, вывалился Гвоздь. Парень был бледен, из-под натянутого капюшона испуганно блестели глаза, а тяжелая брезентовая куртка сидела на нем мешком.

— Т-тополь, не стреляй, это я... — заикаясь, выдохнул парень, поднимая свободную руку. — Я за тобой пошел. Не могу я больше в лагере сидеть. Там Одиночки говорят, что

я трус, что сгину в первой луже. Возьми меня с собой, а? Я мешать не буду. Буду болты кидать, баул тащить. Все, что скажешь, сделаю!

Алексей нахмурился, не опуская ствола «Ксюхи». Его внутренний голос военного требовал развернуть пацана и пинками отправить обратно к Корчмарю. Зона — не место для экскурсий обиженных мальчишек. Но, глядя в эти отчаянные, полные первородного страха и упрямства глаза, Тополь неожиданно вспомнил себя. Себя на заправке три дня назад, когда весь его мир рухнул из-за чужого предательства, и ему тоже было плевать, где подыхать — в петле на Большой земле или в радиоактивной канаве Периметра. Если Гвоздь прогнать, он все равно пойдет один и сдуру влетит в первый же «Трамплин».

— Ладно, — процедил Тополь через зубы, плавно ставя автомат на предохранитель. — Пойдешь со мной. Но запомни, малец: ты теперь моя **отмычка**. Это значит, что ты идешь впереди меня ровно в пяти шагах. Каждые два метра бросаешь болт. Если я говорю «замри» — ты застываешь, даже если на тебя летит стая чертей. Нарушишь хоть одно слово — я сам прострелю тебе колено и оставлю собакам. Понял?

Гвоздь судорожно закивал, суя руку в карман за горстью ржавых стальных гаек. — Понял, Тополь. Спасибо. Я всё делаю.

Они двинулись дальше. Гвоздь, вытянув шею от напряже-

ния, шел впереди, методично швыряя тяжелые болты в серый туман. Минут через двадцать дорога пошла под уклон, сужаясь между двумя пологими холмами. Здесь туман прижался к самой земле, из-за чего казалось, что сталкеры идут по колено в грязном, кипящем молоке.

Внезапно Гвоздь замер, так и не бросив очередной болт. Его рука задрожала.— Т-тополь... смотри... там на дереве...

Алексей подошел ближе, мягко отодвинув парня плечом назад. Прямо над дорогой, на низко склоненной ветке сухого, обгоревшего тополя, свисали тонкие, длинные пряди рыжеватого-бурого цвета. Они едва заметно шевелились в неподвижном воздухе, словно живые капилляры, чуя тепло человеческих тел.

«Ржавые волосы».

Эта биологическая аномалия Зоны казалась безобидной сухой паклей, но Тополь знал: это смертоносный паразит. Алексей достал из кармана длинную сухую ветку и аккуратно поднес ее к рыжим прядям. Едва древесина коснулась «волос», раздалось яростное, шипящее шипение. По воздуху поплыл едкий, удушливый парок. Плотная ветка на глазах покрылась серыми пузырями и за пару секунд растворилась до состояния жидкой, дымящейся каши.

Гвоздь шумно сглотнул, попятившись назад.— Мамочки... Она ее съела...— Смотри в оба, отмычка, — негромко сказал Тополь. — Зацепишь такую курткой — и кислота прожжет тебя до позвоночника быстрее, чем успеешь скинуть

разгрузку. Обходим по широкой дуге, через каменистую насыпь слева.

Едва они обошли опасное дерево и вернулись на разбитый асфальт, как Зона нанесла новый удар.

Из серого безмолвия тумана, без лая и предупреждения, на дорогу беззвучно вылетели три тени. **Слепые псы.** Твари шли в идеальной тишине — их мутировавшие подушечки лап были мягкими, как у кошек. Бледная, морщинистая кожа без единого волоска, бурые язвы на боках и затянутые белесой пеленой пустые глазницы. Мутанты ориентировались по запаху и малейшим колебаниям воздуха.

Они действовали слаженно, как обученная штурмовая группа. Две собаки бросились напрямую на Гвоздя, а третья, самая крупная, рванула по обочине, заходя Тополю в тыл.

— Стреляй, Гвоздь! Стреляй, дурак! — рывкнул Алексей, срывая «Ксюху» с предохранителя.

Парень в панике вскинул свой ТОЗ-34 и, не целясь, нажал на оба спусковых крючка сразу. Оглушительный, спаренный дулет двенадцатого калибра грохнул над дорогой. Облако крупной охотничьей дробы разворотило асфальт перед лапами первой собаки, выбив фонтан каменной крошки, но не причинив мутанту вреда. Сильная отдача старого ружья сильно крутанула Гвоздя на месте, и он со страху повалился на спину в грязную лужу, выронив оружие.

Первый пес уже был в прыжке, целясь клыками в горло лежащего парня.

Тополь сработал на чистых армейских рефлексх. Короткий ствол **АКС-74У** рявкнул злой, частой очередью из четырех патронов. Легкие пули калибра **5.45x39 мм** повышенной пробиваемости со стальными сердечниками на такой дистанции сотворили страшное. Они попали собаке точно в бок. Из-за смещенного центра тяжести пули внутри мутанта начали бешено кувыркаться, буквально разрывая внутренние органы зверя. Пес перевернулся в воздухе, мертвым мешком рухнул прямо на ноги Гвоздя, заливая его джинсы густой, темной кровью.

Вторую собаку Тополь срезал следующим одиночным выстрелом, пробив ей череп.

В этот момент третья, вожак стаи, прыгнула на самого Алексея из кустов справа. Тополь не успевал развернуть автомат — длинный корпус оружия зацепился за лямку тяжелого баула. Действуя на автомате, он резко выставил левое предплечье, защищенное плотной тканью сталкерской куртки. Острые зубы с силой впились в руку. Алексей поморщился от вспышки боли — клыки сдавили кость, но плотный брезент выдержал.

Тополь перехватил «Ксюху» правой рукой как дубину и с силой обрушил тяжелый металлический приклад на голову мутанта. Раздался отчетливый хруст кости. Собака заскулила, выпустила его руку и покатилась по асфальту. Алексей хладнокровно дослал пулю ей в догонку.

Все было кончено за какие-то пять секунд. В воздухе по-

висло плотное облако вонючего порохового дыма, смешанного с запахом паленой шерсти и сырой крови.

— Живой? Вставай! — Тополь подошел к Гвоздю, рывком поднимая его за шиворот из лужи. Парень дрожал всем телом, его зубы выбивали бешеную дробь, а штаны были испачканы грязью и кровью мутанта.

— Ж-живой... Тополь, ты ее наповал... — прошептал парень, глядя на убитых зверей дикими глазами.

— Подбирай ружье, отмычка. И бегом отсюда. На этот грохот сейчас со всей округи твари сбегутся.

Через полчаса быстрого марша они вышли к глубокой бетонной выемке под полуразрушенным железнодорожным путепроводом — официальной границе Свалки. Здесь туман висел плотной, неподвижной серой стеной.

Тополь резко дернул Гвоздя за капюшон назад, заставляя затаиться в густой сухой траве у бетонного обломка стены. Бывший контрактник достал поношенный бинокль, который он прихватил со стола Корчмаря.

Сквозь серую изморозь и маслянистую взвесь тумана со стороны путепровода слышался чужой, совершенно неестественный для этих мест звук — мерный, синхронный хруст гравия под тяжелыми армейскими ботинками. Так ходят только отлично обученные, профессиональные воинские подразделения.

Тополь настроил фокус линз. Через разбитые пути двигался патруль. Это были **Наемники**.

Четверо мужчин шли идеальным штурмовым клином, грамотно контролируя все сектора обстрела. На них были надеты дорогие, идеально чистые комбинезоны темно-синего цвета со множеством скрытых молний и тяжелыми кевларовыми пластинами на груди и коленях. Лица полностью скрывали матовые черные шлемы-сферы с зеркальными панорамными визорами, в которых размыто отражался серый пейзаж Зоны. На плече каждого красовалась лаконичная нашивка — белый прицел в синем круге.

Оружие в их руках заставило Тополя прищуриться. Командир группы, шедший чуть впереди, плавно вел стволом компактной натовской штурмовой винтовки песочного цвета. Это был дорогой импортный карабин с тактической оптикой малой кратности и тяжелым глушителем. Наемники двигались бесшумно, уверенно, словно находились на родном военном полигоне где-нибудь в Западной Европе. Простые сталкеры для этих парней были не более чем надоедливыми мишенями на пути к выполнению дорогого контракта заграничных синдикатов.

— Тихо, Гвоздь. Не дыши, — едва слышно прошептал Тополя на ухо парню, сильнее прижимая его к земле. — Это спецы. Замедлят движение — пуля в голову без разговоров.

Патруль прошел всего в тридцати метрах от затаившихся сталкеров, направляясь в сторону серых бетонных ангаров депо Свалки. Гвоздь замер, затаив дыхание, и лишь сильнее сжал в руках свое старенькое ружье. На Свалке начина-

лась совершенно другая, жестокая и профессиональная игра, и Тополю вместе со своей новой, испуганной отмычкой предстояло приложить все силы, чтобы не попасть под каток этой безжалостной иностранной машины.

Глава 9: Кислотный затвор и дыхание из тумана

Едва синие комбинезоны наемников скрылись за серыми железобетонными коробками депо, воздух над Свалкой окончательно испортился. Небо, до этого бывшее грязно-бурым, внезапно пожелтело, наливаясь тяжелым, ядовитым оттенком серного мыла. Ветер стих полностью. Наступила удушливая, давящая тишина, от которой у Гвоздя заложило уши. Сталкерские приметы не ввали: на Свалку шел химический осадок.

Тополь почувствовал, как кожу на лице слегка закололо, а на губах появился отчетливый кислый привкус, словно он лизнул контакты старой батарейки.

— Пора сваливать с открытого места, отмычка, — прошептал он, резко поднимаясь на ноги. — Живее, пока шкуру не распавило!

В паре десятков метров правее, наполовину зарывшись в радиоактивный пепел и ржавую стружку, лежал перевернутый пассажирский вагон старого советского поезда. Его крыша местами проржавела насквозь, но массивные титано-стальные борта еще могли послужить надежным укрытием.

Алексей рванул к нему, на ходу выдергивая из кармана

болт. Бросок под ноги — чисто. Прыжок сквозь разбитое окно, где когда-то висела тяжелая стеклянная рама, и Тополь буквально за шиворот втянул Гвоздя внутрь, следом забросив баулы.

Первые капли ударили по железной обшивке вагона ровно в тот момент, когда они скрылись в полумраке. Звук был неестественным — не звонкий стук чистой воды, а глухое, шипящее шлепанье. На ржавой крыше вагона тут же закипела мерзкая, белесая пена. Потекли едкие струи, которые, соприкасаясь со старым металлом, выделяли вонючий, удушливый парок. Кислотный дождь. Если остаться под таким на открытом воздухе без специального научного костюма с замкнутым циклом дыхания, брезент простой куртки прогорит за пять минут, а кожа сойдет пластами.

Вагон внутри представлял собой печальное зрелище: сорванные с креплений полки, груды обгорелого советского пластика, ржавые пружины матрасов. В центре вагона потолок был целым, без сквозных дыр. Именно здесь Тополь и решил обустроить временную стоянку. Навыки обустройства полевых включились на автомате.

Первым делом — безопасность. Тополь аккуратно прошел в тамбур. Дверь туда заклинило, но сквозь щель было видно, что проход наглухо завален железом. Отлично, с тыла никто не зайдет. На противоположное разбитое окно, через которое они залезли, Алексей навесил леску с тремя пустыми гильзами от ПМ, которые вытащил из кармана — про-

стейшая, но безотказная «сигналка» на случай незваных гостей.

Затем он занялся бытом. Из баула был извлечен старый армейский каремат — тонкий коврик из вспененного полиуретана, который не пропускал холод от ледяного железа. Тополь расстелил его прямо на полу, очистив место от битого стекла ножом Сиплого. Навыки выживания требовали маскировки, поэтому для разогрева еды Алексей использовал сухой спирт в таблетках и небольшую складную жестяную таганку. Он установил её на перевернутый железный ящик, зажег таблетку спирта — она загорелась ровным, синеватым пламенем, совершенно не давая дыма.

Пока закипала кружка с водой, Тополь повернулся к Гвоздю. Парень сидел на корточках, испуганно сжимая в руках свой **ТОЗ-34**. Ружье было покрыто каплями дождя, грязью и брызгами собачьей крови.

— Ну-ка, дай сюда свой металлолом, — хмуро скомандовал Тополь, протягивая руку.

Парень покорно отдал ружье. Алексей переломил стволы, заглянул в патронники и брезгливо поморщился.

— Гвоздь, ты вообще головой думаешь? — голос Тополя стал тихим и опасным, как стальная пружина. — Стволы изнутри в нагаре, на казеннике — жидкая грязь Свалки. Твоя тульская двухстволка — хорошая, надежная машина. Хромированные стволы двенадцатого калибра, длина семьсот одиннадцать миллиметров. Верхний ствол — чок, ниж-

ний — получок. Из этой штуки можно кабана наповал уложить хорошим свинцовым патроном. Но если ты продолжишь так к ней относиться, при следующем выстреле ствол просто разорвет у тебя перед носом. Понял?

Гвоздь испуганно закивал.— П-понял, Тополь. Я не знал, мне на Большой земле его дядька отдал...

— В Зоне нет дядек. Тут твое ружье — твоя единственная страховка от того, чтобы не стать обедом для местной фауны, — Алексей вытащил из баула шомпол, кусок чистой фланели и армейскую масленку с щелочным составом. — Смотри сюда и запоминай, повторять не буду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.